

ГОСУДАРСТВЕННО-ИСЛАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА: СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ? (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)

© 2011 Ю.Н. Гусева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Поступила в редакцию 07.04.2011

В статье анализируется ситуация, сложившаяся в поволжской умме в 1935-1936 гг. вокруг выбора муфтия Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири. Автором делается вывод о преемственности модуля взаимодействия, к которому прибегает советское государство во взаимоотношениях с духовенством. Выявляются основные черты, характерные как для самого поволжского мусульманства, так и для государственно-исламских отношений в России. Ключевые слова: ислам, мусульманские общины, мусульмане, Поволжье, государственно-религиозные отношения.

В настоящий момент проблема выстраивания адекватного модуля взаимоотношений государства с носителями исламского мировоззрения волнует как российское, так и мировое научное сообщество. Выработка приемлемой концепции взаимодействия невозможна без объективного анализа типичных проблем, присущих самой поволжской умме, выявления закономерных черт российских государственно-исламских отношений. Поэтому внимание отечественных исламоведов приковано в том числе к истории взаимоотношения советского государства и мусульманских организаций Поволжья¹.

Все исследователи сходятся в оценке 30-х гг. XX в. как одной из самых мрачных страниц в истории российской уммы, в ходе которой исламское духовенство было поставлено перед проблемой самосохранения и выживания. Однако в имеющейся литературе относительно не разработаны сюжеты, которые характеризуют проблемы, существовавшие внутри Центрального Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири в этот период. В данной статье на примере сюжета выборов муфтия ЦДУМ в середине 1930-х гг. предпринимается попытка выявления традиционных «болевых точек» российских государственно-исламских отношений. Кроме того, в этих событиях весьма зримо выступают внутренние противоречия, характерные для мусульманской элиты региона.

Проблема выбора лидера, как правило, вскрывает те проблемы, которые в силу различных причин могут оставаться «в тени». Поволжское мусульманство было поставлено в ситуацию выбора 12 апреля 1936 г., когда скончался один из

*Гусева Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии.
E-mail: j.guseva@mail.ru*

самых ярких и авторитетных мусульманских лидеров в истории России – Ризаэтдин Фахретдин. Однако, как свидетельствуют источники, выбор муфтия ЦДУМ превратился не просто в столкновение сторонников двух претендентов, но в силу различных причин стал «полем битвы» между лояльными к власти, конформистски настроенными муллами и адептами реорганизации, убежденными в необходимости расширения прав духовного управления. Первые могут быть ассоциированы с Г. Расулевым, чья кандидатура была поддержана советскими местными и центральными органами, вторые – с К. Тарджимановым.

События развивались следующим образом. В апреле 1936 г. К. Тарджиманов провозгласил себя муфтием, о чем и была выслана телеграмма во ВЦИК. Это произошло без созыва съезда. Казии – Зия Камалетдинов и Магдий Магкулов – заявили во ВЦИК, что это не соответствует шариату, и опротестовали решение Тарджиманова. Г. Расулев при поддержке комиссии по вопросам культов при Башкирском ЦИКе стал временно исполняющим обязанности муфтия. Он обратился к мухтасибам и муллам с просьбой о поддержке².

Одновременно началась массированная антитарджимановская кампания. Прежде всего его обвиняли в самовольном захвате власти. В его адрес были выдвинуты обвинения в финансовых злоупотреблениях: только за 1934 г. им и его людьми якобы было израсходовано 13996 руб. 29 коп. (Власти организовали вскрытие кассы ЦДУМ и проверку). Ему ставилось «на вид» то, что он под прикрытием ЦДУМ печатал журнал «Ислам мажаллясе» и религиозные книги.

Сам Тарджиманов обосновывал свое право на этот пост тремя документами. В первом (от 19 февраля 1936 г.) муфтий Фахретдинов поручал

Кашафу исполнять его обязанности (сам не мог по болезни). Во втором документе (постановление ЦДУМ от 8 апреля 1936 г.) содержатся данные, что он становится временно исполняющим обязанности муфтия. И, наконец, в завещании муфтия от 15 марта 1936 г. значилось: «сам опустишь мое тело в могилу», «особое внимание моим произведениям, их корректуру поручаю тебе»³. К. Тарджиманов заявлял, что Расулев является «самозванцем» и действует при поддержке ЦИК Башкирской АССР, писал во ВЦИК с просьбой «остановить бесчинства»⁴.

Как повело себя в этой ситуации духовенство, подотчетное Управлению? В Москву было прислано более 100 телеграмм с протестами против кандидатуры Тарджиманова, в которых содержалось важное требование – созыв съезда мусульманского духовенства. В телеграммах, присланных с мест, священнослужители выражали свою поддержку Г. Расулеву, бывшему мухтасибу г.Троицка, и требовали созыва мусульманского съезда (Чистопольский и и Азнакаевский районы, г. Чистополь, Бугульма Татарской АССР, Мордовская область, Горьковская область, Чердаклинский и Старокулаткинский районы Ульяновской области, Байтуганский район Куйбышевской области, Уфа, Москва). Всего в его поддержку высказались: Москва, 18 районов и городов Башкирской АССР, 11 городов Казахстана, 9 городов и районов Куйбышевского края, 4 района Горьковской области, 2 города Киргизии, 9 городов и районов ТАССР, 2 города Кировского края, Саратовский край. «Против» него открыто выступили муллы Карсунского района Куйбышевской области, имамы г.Горького. По свидетельствам ряда мулл, эти телеграммы были подготовлены при поддержке или после посещения этих регионов эмиссарам, поддерживающими Г. Расулева.

Обращает на себя внимание то, что во всех телеграммах и адресах подчеркивалась необходимость созыва съезда для решения этого вопроса. К. Тарджиманову прежде всего ставилось в вину то, что он не легитимизировал свои позиции на мусульманском съезде. Зададимся вопросом: насколько это было реально в 1936 году? Ответ очевиден – это было невозможно, так как государство со второй половины 1920-х гг. взяло жесткий курс на недопущение такового⁵. Стоит отметить, что возможность созыва всемусульманского совещания, которая была обретена российскими подданными после революции 1905 г.⁶, на всем протяжении советского периода рассматривалась духовенством и верующими как один из ключевых моментов, показывающих лояльность государства к исламу, обеспечивающих подлинную свободу вероисповедания.

При внимательном прочтении и детальном анализе документов также становится очевидным, что у власти были весьма серьезные основания для поддержки Г. Расулева. Дело в том, что на протяжении нескольких лет видными мусульманскими деятелями дебатировался вопрос о роли ЦДУМ в существующей системе государственно-религиозных отношений⁷. В мухтасибатах и в самом ЦДУМ вызревали настроения о том, что в таком виде Управление мусульманам не нужно, так как оно «не имеет возможности служить мусульманам» (выражение Р. Фахретдинова). Кашаф Тарджиманов разделял эти настроения. В частности, в письме от 22 августа 1935 г., адресованном Р. Фахретдинову, он озвучивал эту позицию: «в таком виде ЦДУМ не нужно, а ликвидация его вынудила бы Советскую власть пересмотреть отношение к религии». (Вероятно, он имел в виду тот международный резонанс, который могло бы вызвать это событие. Роспуск ЦДУМ, по его мнению, негативно отразился бы на имидже и внешнеполитических акциях СССР). Он задавался вопросом: «Какая польза от существования ЦДУМ при данном его положении?». К. Тарджиманов предлагал обсудить деятельность управления на совещании улемов. Муфтий ответил ему, что ЦДУМ не может провести съезд и потому нужно обсудить данный вопрос между улемами посредством обмена секретными письмами⁸.

Таким образом, в сложнейшей идеологической обстановке 1930-х гг. борьбы с религией, внутренними врагами, шпионами мусульманские лидеры отдавали себе отчет в том, что они реально имеют очень ограниченные полномочия и фактически являются креатурой государства. И имели смелость говорить об этом.

Не менее интересно то, как оценивали происходящее рядовые поволжские муллы и мухтасибы. Основные вопросы, которые волновали духовенство в этой ситуации, четко выражены в письме, посланном во ВЦИК 25 июня 1936 г., подписанном имамом горьковской мечети Сагманом Исхаковым и мутавяллиатом (приходским советом) горьковской мечети (Идрисом Вайсовым, Хисамом Хасановым, Садыком Шакировым, Гамитом Гайнетдиновым, Ибрагимом Юсуповым). «Мусульмане всегда добивались выборности муфтия. В мае 1917 г. на мусульманском съезде было принято «Положение» о выборности муфтия. Сейчас налицо «нарушение этих Положений... не ради каких-нибудь общих начал..., а для сведения личных счетов с одним из членов ЦДУМ – К. Тарджимановым». В чем муллы увидели нарушения свободы выбора?

• По решению ЦДУМ и съезда 1926 г. временно исполнять обязанности должен был К. Тарджиманов;

- Г. Расулев не являлся членом Президиума ЦДУМ.

- К. Тарджиманова отстранили решением Президиума ЦДУМ, на котором присутствовало только два его члена.

- В регионы были высланы из Уфы агитаторы, которые агитировали «за» Расулева, заявляли, что съезд не нужен, а нужно созвать совещание.

«Все это, – писали муллы, – вносит смуту в умы верующих мусульман, дает им возможность сомневаться в свободе слова и основания думать о зависимости ЦДУМ от власти». «Эти вздорные слухи могут дойти и до зарубежных мусульман, чем враги Советского Союза не преминут воспользоваться для дискредитирования Советской власти»⁹. (Сам аргумент, в частности, свидетельствует, что духовенство «играло по правилам» государства, «разговаривало» с ним на его языке).

Несмотря на то, что Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР делегировала решение вопроса на уровень Башкирского ЦИК, решение принималось в московских кабинетах. Направляя материалы в Уфу, П.А. Красиков просил коллег обратить внимание на важность вопроса и возможные международные последствия. В итоге было принято единственно верное для государства решение – Расулев становится муфтием, ЦДУМ продолжает существовать.

Участь К. Тарджиманова и его сторонников была решена. 28 августа 1936 г. в телеграмме Красикову (Председатель комиссии ВЦИК по вопросам культов) из Главной Военной прокуратуры говорилось о том, что Прокурором СССР А.Я. Вышинским дана санкция на арест Тарджиманова. Его арестовали в мае 1936 г. в Москве. Вскоре в столицу были переданы материалы в прокуратуру. В результате было сфабриковано дело «о заговоре руководителей ЦДУМ», в частности к которому в 1937-1938 гг. были обвинены сотни мулл, в том числе, Горьковской и Куйбышевской областей¹⁰.

Если отбросить возможные субъективные причины поражения Тарджиманова и его потенциальных сторонников, какие объективные обстоятельства способствовали сохранению имеющегося положения дел? Главное, по нашему мнению, – жесткая позиция центральной власти, заинтересованной в сохранении ЦДУМ в прежнем, де-факто зависимом, виде. ЦДУМ, как и ее предшественник – Оренбургское Магометанское Духовное собрание, к началу 1930-х гг. фактически являлось элементом государственного аппарата. В результате этих событий по сути произошел возврат к ситуации до 1917 г., когда муфтии были назначаемы. И попытки пересмотреть подобные установки равносильны стремлениям

перестроить систему взаимоотношений государства и общества. Второе, непосредственно вытекающее из предыдущего фактора, а также связанное с внутривластной обстановкой в целом, – это невозможность созыва единого съезда мусульман. Третье, что обеспечило поддержку Расулеву, – поддержка его местными властями и частью кадиев, мулл, мухтасибов.

Итак, в этом конфликте, который можно считать одним из ключевых событий в истории поволжской уммы в 1930-е гг., как в капле воды отразились основные насущные проблемы поволжского мусульманского мира и острые вопросы взаимоотношений мусульман и советского государства. Вопрос о самоопределении ЦДУМ, о свободе веры, как ее видели мусульмане, проблема муфтиев-«самозванцев», идейная неоднородность самой уммы, удаленность ее от ядра исламской цивилизации, а также отсутствие духовного лидера, способного сценарировать поволжское мусульманское сообщество, – все это проявилось в ходе данных событий. Более того, позволим себе заметить, что те же факторы (плюс изменение внешнеполитической конъюнктуры, зарубежное финансирование и некоторые субъективные факторы) будут мешать объединению Духовных управлений в период реисламизации 1990-х годов.

Также очевидно, что как в имперский, так и в советский периоды российской истории, при всей несхожести их идейных установок, модуль отношений «государство – мусульмане» не претерпевал существенных изменений. Позволим себе согласиться с мнением В. Ахмадуллина и С. Мелькова о том, что «зависимость исламских деятелей от правителей является нормой в истории отечественного ислама»¹¹. Равно как следует считать исторически сложившейся особенностью поволжской уммы ее идейную неоднородность и слабость центростремительных тенденций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, *Гусева Ю.Н.* История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901-1985 гг.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003; *Набиев Р.А.* Политика Советского государства по отношению к религии и церкви в 20-е-30-е годы (на материалах республик Поволжья и Приуралья). Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 1992; *Минутин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920-1930-е гг. Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006; *Нуруллаев А.А.* Ислам и мусульмане в условиях советского режима // Ислам и мусульмане в России: Сб. ст. / Под общ. ред. М.Ф. Муртазина, А.А. Нуруллаева. М.: Изд-во КДТ, 1999. С.118-161; *Хайретдинов Д.З.* Проявления репрессивно-идеологического диктата властей на мусульман Москвы в годы советской власти // Фаизхановские чтения: Материалы пятой ежегодной научно-практической конференции / Под общ.ред. Д.В.

- Мухетдинова. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009; Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе: Сб. ст. / Под общ. ред. А.Б. Юнусовой и А.В. Малашенко. М.: Моск. центр Карнеги, 1998.
- ² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.5263. Оп.1. Д.42 (Дело о выборах муфтия Расулева и о К. Тарджиманове, о духовной жизни мусульман. 1935-1936 гг.). ЛЛ.180-194.
- ³ Там же. ЛЛ.214, 386.
- ⁴ Там же. Л.260.
- ⁵ Арапов Д.Ю., Косач Г.Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007; Ислам и советское государство. Вып.1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / Вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача. М.: Изд-дом Марджани, 2010; Минуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920-1930-е гг. Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006.
- ⁶ Сентюкина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905-1916 гг.). Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.
- ⁷ ГА РФ. Ф.5263. Оп.1. Д.42. Л.524.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л.281.
- ¹⁰ Хайретдинов Д.З. Проявления репрессивно-идеологического диктата властей на мусульман Москвы в годы советской власти // Фаизхановские чтения: Материалы пятой ежегодной научно-практической конференции / Под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С.116.
- ¹¹ Ахмадуллин В., Мельков С. Государственно-исламские отношения в России: Монография. М.: ГИЦ РФ «НИ-ОПИК», 2000. С.43.

STATE-ISLAMIC RELATIONS IN THE 1930s: SOCIAL EVOLUTION OR SUCCESSION? (ON THE MATERIALS OF THE VOLGA REGION)

© 2011 Yu.N. Guseva

Samara Branch of Moscow City Pedagogical University

The article examines the situation in the Volga region Ummah in 1935-1936, which was created around the choice of the Mufti of the Central Spiritual Administration of Muslims. The author analyses the successive module of interactions between the Soviet state and the clergy. She identifies the main issues which were considerable both for the Muslims of the Volga, and for public-Islamic relations in Russia.

Keywords: Islam, Muslim communities, the Muslims, the Volga region, the state-religious relations.